

Василий Николаевич Андреев-Бурлак

М. Морозов. Шекспир, Бернс, Шоу...

М., "Искусство", 1967

Автор вступительной статьи и составитель сборника и редактор Ю. Шведов

OCR Бычков М.Н. <mailto:bmnn@lib.ru>

Василий Николаевич Андреев, по сцене Андреев-Бурлак, был сыном мелкопоместного симбирского дворянина. Родился он в 1843 году и детство провел в имении своего отца. Окончив гимназию в Симбирске, поступил вольнослушателем в Казанский университет. Образования, однако, не закончил и служил сначала помощником капитана буксирного парохода, а затем и капитаном пассажирского парохода на Волге. С Волгой неразрывно связаны детство и юные годы этого замечательного актера.

Сохранились легенды о том, что уже тогда молодой волжский капитан восхищал команду и пассажиров парохода своими тут же сочиняемыми юмористическими рассказами. Выступал он с импровизациями и на любительских вечерах в Симбирске. Впоследствии Андреев-Бурлак стал записывать свои импровизации, и в 1882 году вышла небольшая книжка его рассказов под заглавием "На Волге". Но рассказывал Андреев-Бурлак лучше, чем писал. Он был актером, а не писателем. Живые интонации, вечно меняющееся выражение его голубых, как бы из глубины светящихся глаз и улыбка большой отвислой нижней губы ("Бурлака никто не видал смеющимся, - у него смеялись только глаза и нижняя губа", пишет современник) - все это исчезало в напечатанном тексте.

Рассказы Бурлака говорят о его страстной любви к родной Волге. Стоит он на вахте в часы рассвета, глядит на восток, где уже засиял "золотой веер, предвестник восходящего солнца", на туман над песчаными обрывами и мохнатыми соснами, и сердце его щемит от нежности и грусти.

Дошедшие до нас рассказы говорят о том, как живо интересовался Андреев-Бурлак людьми, как зорко наблюдал он их характерные черты и особенности.

Пароход привалил к пристани. И острый глаз молодого капитана сразу же заметил прилично одетого "молодого человека с идиотским лицом". Будьте уверены, что этот молодой человек потом обязательно промелькнет в одной из его импровизаций. Капитан, пробираясь сквозь толпу, слышит слова жены, обращенные к мужу: "Что ни делаешь, все по-дурацки". А вот злая барыня подошла к кассе. "Куда изволите ехать?" - подобострастно спрашивает кассир. "Вам какое дело", - сердито отвечает злая барыня. Пароход медленно отваливает. "Нико-о-оля, икры не забудь!" - слышится крик с пристани. "Нет, не забуду-уду. Проща-айте!" - раздается ответ с парохода.

Вот привалил пароход к другой пристани. Встречать какую-то важную "особу" собрались все "отцы города", среди которых наблюдательный капитан сразу заметил "юпитерообразного полицмейстера". И ему тут же пришел в голову рассказ о том, как пожаловал в этот город царский сановник, как угощали его икрой, стерлядями, сажеными осетрами, катали по Волге в лодках с разноцветными фонариками; как устраивали фейерверк, а потом случайно, спяну, подожгли лежащий в лодке пучок ракет, который взорвался, и все, вместе с сановником, выкупались в Волге ко всеобщему конфузу и посрамлению.

Среди рассказов Андреева-Бурлака особое место занимает "Русалка", повесть из мрачных времен крепостного права. Героиня рассказа - дочь сумасшедшего музыканта. Тут же встречаемся мы с графом, убивающим своего управляющего, чтобы завладеть его женой. Рассказ этот интересен тем, что показывает ненависть Бурлака к крепостному праву и его горячее сочувствие униженному и оскорбленному "маленькому человеку". Но в художественном отношении он бледен и вял. Критика охарактеризовала его как "либретто старинной мелодрамы"; указывали, что Бурлак здесь "сбился на мелодраматизм". Это и понятно. "Русалка" выросла из устных преданий, слышанных Бурлаком в детстве, а не из лично пережитого. Бурлак принадлежал к тем художникам-реалистам, которые сами должны увидеть и пережить то, что они хотят передать другим.

Рассказывал он удивительно просто, без лишних жестов и усиленной мимики. Впоследствии, став знаменитым актером и не менее знаменитым рассказчиком, мастером художественного чтения, Андреев-Бурлак не раз читал перед Львом Толстым. "Вот настоящий талант. Простота-то какая!" - говорил Толстой.

Уже в то время критика отмечала близость творчества рассказчика Бурлака к творчеству другого